

И.В. Кузнецов (Новосибирск)

РОЛЬ СЮЖЕТНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ КРАСНОРЕЧИИ

Исследуя русскую литературу средневекового периода, В.В. Виноградов отмечал, что ей весьма свойственно риторическое задание. При всех исторических модификациях жанровых образований, писал ученый, в древнерусской литературе всегда «оставался, как особый тип структурных форм, ряд примеров построения, рассчитанных на “убеждение” читателя, на экспрессивную его “обработку”»¹.

Наблюдение В.В. Виноградова позволяет заострить внимание на отличии системы русской литературы эпохи Киевской Руси от литературы Нового времени. Литературе того периода в особой степени была свойственна идеологическая функция, которая проявлялась и в тематике памятников, и в их апелляции к конкретной аудитории. Произведения, которые выполняли эту функцию, в дискурсивном отношении обладали либо природой ментатива, либо перформативной природой. Повествовательное начало в них оставалось служебным.

Конечно, это суждение касается только произведений оригинальной русской литературы. Переводные хроники, жития и прочие повествовательные образцы «с точки зрения складывающейся истории древнерусской литературы» оставались «данностями иного литературного круга»².

При этом прагматическая направленность была в целом свойственна ранней русской литературе. Ее выполняли в том числе и повествовательные жанры. Так, например, обстояло дело с летописью. Как показала М. Виролайнен, материал Начального свода в конце XI века был переработан таким образом, что в нем появились фольклорные коды³. Их появление было связано с установкой составителя на определенный тип адресата –

носителя национальной ментальности, со свойственными ей представлениями фольклорного характера.

Однако и в памятниках, относящихся к области красноречия, повествовательное начало сохранялось. Анализ таких показательных для XI века произведений, как «Слово о Законе и Благодати» и поучения Феодосия Печерского, позволяет увидеть, что повествовательные элементы в них представлены двояко: 1) как сюжетные звенья; 2) как тематические мотивы.

Сюжетные последовательности наиболее актуальны в первой из трех композиционных частей «Слова о Законе и Благодати», где Русь идеологически уравнивается с другими христианскими народами. Эти последовательности образуют в тексте параллельные ряды. Так, фрагменты ветхозаветного сюжета об Агари и Сарре ставятся в параллель соответствующим фрагментам сюжета о Законе и Благодати. Изгнание Авраамом Агари дает автору Слова повод убеждать аудиторию в обоснованности рассеяния иудейства – носителя Закона – и призвания христианских народов, носителей Благодати. Таким образом, первая сюжетная линия выступает для второй в качестве развернутого иллюстрирующего «примера».

«Сарра не рожала, поскольку была бесплодна; и не бесплодна, но заключена была божьим промыслом на старости родить».

«И безвестная и тайная премудрость божья утаена была: ни ангелам, ни человекам не явима, но утаена, чтобы в начале века явиться».

В аналогичной функции сюжетные последовательности используются в поучениях Феодосия Печерского. Так, в «Слове о терпении, любви и посте» проповедник укоряет братию в том, что они нестойки в трудах монастырской жизни – и приводит им на память ветхозаветное сказание об исходе Моисея с народом из Египта и поклонении золотому тельцу. Здесь сюжетные элементы предстают в виде встроенных жанров – инкорпорированных в дискурсивное целое повествовательных фрагментов, обладаю-

щих завершенностью и относительной самостоятельностью. Эти фрагменты, как и сюжетные последовательности «Слова о Законе и Благодати», выполняют функцию «примеров», иллюстрирующих мысль проповедника.

Встроенные жанры могут пониматься и просто как сюжеты. И.В. Силантьев применительно к древнерусской литературе использует понятие «сюжетики» как «системы сюжетов произведения». Введение этого понятия вызвано спецификой материала исследования: ведь «древнерусское литературное произведение могло включать не один, а несколько сюжетов, связанных фабульно или тематически. Это явление связано с одной существенной особенностью литературы Древней Руси – “принципом анфиладного построения” литературного произведения, как определял его Д.С. Лихачев»⁴.

Таким образом, использование в ораторской прозе сюжетных последовательностей создавало доказательность речи. Примеры, в качестве которых выступают встроенные сюжеты, используются как образцы «риторического наведения»: «когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно наличности какого-нибудь факта, то такое заключение там (в “Топике” – *И.К.*) называется наведением, здесь – примером»⁵.

В древнерусском красноречии встречается и другая разновидность сюжетных элементов. И.Н. Жданов, рассматривая Слово Даниила Заточника, пришел к выводу, что в нем использованы два типа примеров, или «притч»: развернутый – как краткое повествовательное целое; и свернутый – как паремийное высказывание⁶. В наше время Е.К. Ромодановская противопоставила «притчу Акира» и «притчу Варлаама»⁷, разница которых заключается именно в степени развернутости. Первая разновидность примеров была показана выше. Второй тип тоже представлен в рассмотренных памятниках.

Так, «Слово» Феодосия апеллирует к апостолу Павлу, говорившему: «Нигде я напрасно хлеба не ел, но ночью трудился, а днем проповедовал», а также «руки мои послужили и мне и другим» и «праздный пусть не ест». Этот пример, в отличие от первой разновидности, представляет собой не сюжет, а отсылку к сюжету, каковой в своем развернутом виде содержится в Деяниях апостолов.

Вторая разновидность примеров в категориальном смысле промежуточна между такими явлениями, как сюжет и мотив. Е.М. Мелетинский писал о структурно-семантическом тождестве мотива и сюжета. Идея о сюжетобразующем потенциале мотива была развита Г.А. Левинтоном, который трактовал мотив как «сюжет инварианта», а собственно сюжет – как «сюжет варианта»⁸. Но в примере из «Слова» Феодосия сюжетобразующая функция явно отсутствует. Более того, высказывания апостола не только не тяготеют к разворачиванию, но наоборот, стремятся к формульной краткости, что видно в характере их последования: от предикативного целого – к афоризму.

Поэтому в данном случае стоит вести речь уже не о сюжетах, но скорее о «темах» и, далее по степени свернутости, о тематических мотивах. Последние мыслятся как тематические единства, обладающие устойчивым набором смысловых коннотаций. Они вовсе не тяготеют к разворачиванию. Повод говорить о них как о мотивах создается давней традицией употребления этого термина именно в значении словесной темы (у В. Шкловского, Б. Томашевского и других авторов соответствующего круга). И.В. Силантьев констатирует: «Наряду с фабулой и сюжетом, тема – наиболее близкая к мотиву категория»⁹.

Тематические мотивы составляют вторую рассматриваемую нами группу сюжетных элементов в ораторской прозе Киевской Руси. В плане генезиса они восходят к христианской и апокрифической книжности. Каждый из таких мотивов отсылает читателя или слушателя к определенному

сюжету, который предполагается известным. Функционирование тематических мотивов наглядно проявляется там, где они связаны происхождением с апокрифами. Так, И.Н. Жданов указывал на связь упоминания в «Слове о Законе и Благодати» о бегстве Иисуса в Египет с соответствующим апокрифическим сказанием. Тот же автор, рассматривая соседний фрагмент («Бог соделал спасение посреди земли, крестом и мукою, на месте лобном...»), констатировал его связь с несколькими источниками: «а) с преданием о том, что Христос распят был “на древе, иже израсте из главы Адама”, как говорится в “Сказании о древе крестном”, и б) с сказанием о пупе земном, который находится в Иерусалиме, близ места погребения Спасителя. Сказание это было очень распространено на Руси: оно встречается и в Хождении игумена Даниила, и в Хождении гостя Василия... О пупе земном говорится в Беседе трех святителей и Голубиной книге»¹⁰.

Тематические мотивы могут восходить и к христианской литературе. Так, в рассмотренном «Слове» Феодосия Печерского фрагмент: «Можно распродать это миро и наделить убогих» в свернутом виде воспроизводит евангельский эпизод. Источником тематических мотивов может выступать и фольклор, но примеры такого рода относятся к более позднему периоду. В целом, функционально тематические мотивы выступают в роли референтных кодов¹¹: они апеллируют к социокультурному опыту читателя или слушателя.

Такая апелляция сама по себе, конечно, не является целью насыщения текста тематическими мотивами. Эта цель станет яснее, если вернуться к уже звучавшей мысли о риторическом задании, которым была проникнута ранняя русская литература. По-видимому, в данном случае первостепенную роль играет *прагматика* литературного высказывания. Рассматриваемые мотивы организуют перцептивный фон: функционируя как коды, они создают «фасцинирующий» эффект и разворачивают текст в сторону определенной аудитории.

Итак, роль сюжетных компонентов (тематических мотивов и повествовательных фрагментов – элементарных жанров, таких, как сказание или притча) в древнерусском красноречии заключалась в том, что они функционировали как референтные коды, ориентированные на читателя. То есть сюжетные элементы выполняли в этой литературе *прагматическую* функцию. Уточним характер исполнения этой функции разными группами элементов.

Классической риторике было свойственно понятие о трех главных сторонах построения высказывания: «инвенции», или «изобретении», «диспозиции», или «расположении», и «элокуции», или «слоге». Как было показано выше, сюжетные фрагменты в древнерусском красноречии служили целям доказательства. Это могло быть логическое или псевдологическое, но внутренне связанное доказательство. С риторической точки зрения, эти фрагменты должны быть отнесены к области *inventio*. Что же касается мотивов, то они создавали «слог», или *elocutio*, в смысле достаточно формальной организации внешней стороны текстового материала. При этом их роль была связана с тем, чтобы «фокусировать» целевую группу аудитории.

---

¹ Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 115.

² Топоров В.Н. Святые и святость в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. С. 262.

³ См.: Виролайнен М.Н. Автор текста истории // Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 84–108.

⁴ Силантьев И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996. С. 9; См. также: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 253.

⁵ Аристотель. Риторика // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000. С. 92.

⁶ См.: Сочинения И.Н. Жданова. Т. 1. СПб., 1904.

⁷ См.: Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 48.

⁸ См.: Левинтон Г.А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей в память В.Я. Проппа. М., 1975. С. 303–319.

⁹ Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск, 1999. С. 58.

---

¹⁰ Сочинения И.Н. Жданова. Т. 1. СПб., 1904. С. 13–14.

¹¹ См.: *Барт Р. S/Z*. М., 2000.